
Файл с книжной полки Несененко Алексея
<http://www.geocities.com/SoHo/Exhibit/4256/>

Вечером семнадцатого сентября 1879 года судебный следователь города У., Валериан Антонович Лаврухин, был в гостях у своего ближайшего соседа доктора Арсеньева, справлявшего именины своей племянницы Веры Михайловны. Молодая жена Лаврухина, Евгения Николаевна, чувствуя себя не совсем хорошо, оставалась дома. В десять часов она приняла бромистого калия и легла в постель, наказав горничной навестись в спальню часам к двенадцати и, в случае, если б Евгения Николаевна уже заснула - потушить лампу. До назначенного срока горничная сидела в людской, играя в карты с кухаркой и дворником; кроме их троих, барыни, да спавшего на кухонной печи вестового, в доме никого не было. В полночь горничная отправилась взглянуть на больную. К своему ужасу, она увидела окно спальни раскрытым настежь, а пол испещренным чьими-то темными следами. Бросилась к барыне - и нашла ее всю в крови и уже холодною. Конечно, поднялся шум, явилась полиция.

Следствие по этому делу дало такие результаты: Лаврухина была зарезана тремя безусловно смертельными ударами колющего орудия в горло, живот и левый пах. Ссадин, царапин и боевых знаков на теле не оказалось, а спокойное выражение лица умершей и положение трупа давали основание думать, что убийца подкрался к своей жертве во время сна и поразил ее внезапно. Из ушей покойной были вынуты серьги, с пальцев сняты кольца, с ночного столика пропал драгоценный складень - благословение матери Евгении Николаевны.

Спальня помещалась во втором этаже и выходила единственным широким венецианским окном в сад; от окна спускалась вниз железная пожарная лестница. И ее ступени и подоконник были в нескольких местах запачканы кровью. У окна не было задвижки; только утром в день убийства в него вставили новое стекло вместо разбитого накануне самим барином. От лестницы следы, такие же, как в комнате убийства, вели к забору, отделявшему лаврухинский сад от обширного пустыря, круто спускавшегося к реке Тве. Здесь следы исчезали.

В убийстве был заподозрен стекольщик Вавила Тимофеев - горький пьяница, истый бич города, полный бездомовник. Против него говорили весьма веские улики. В одной из клумб лаврухинского цветника нашлась отлично отточенная окровавленная стамеска; своими размерами она пришлась как раз по ранам Евгении Николаевны. Стамеска принадлежала Вавиле. Утром пред убийством Вавила вставлял стекло в окно спальни и сильно побранился с Лаврухиной из-за платы. Вечером его видели, мертвецки пьяного, бродящим по пустырю, вдоль садового забора. Наконец, в дополнение всего, Вавила в ночь на семнадцатое сентября скрылся из У. Неделью спустя его арестовали в соседнем уезде, по доносу трактирщика, которому он предложил в залог похищенные вещи. Сапоги Вавилы аккуратно подошли к следам убийцы.

Несмотря на столь очевидную виновность, преступник упорно запирался и рассказывал в свое оправдание совсем фантастическую сказку: будто он, действительно, был семнадцатого сильно выпивши и не помнит, где заснул; на другой день очнулся на берегу по ту сторону Твы, рядом с собой нашел свои сапоги, а у себя за пазухой драгоценные вещи; очень испугался, что его за такую находку засудят, и бросился в бега. Кто подложил ему вещи, и как он попал на другой берег Твы, - ему неизвестно. Понятно, что суд не удовлетворился нелепым лганьем преступника, и Вавила пошел на каторгу.

Смерть горячо любимой жены едва не убила Лаврухина; он потерял рассудок и, помещенный в лечебницу душевнобольных, провел около года в самой мрачной меланхолии. Потом он поправился, пришел в память, оставил больницу, начал гулять, бывать в обществе, ходить в гости, и особенно часто к Арсеньевым. В У. заговорили, что Лаврухин женится на Вере Арсеньевой, и скоро слухи оправдались.

Молодые супруги зажили отлично. Замечали только, что Лаврухин как будто опять начал хандрить, находится в большом подчинении у своей жены и, пожалуй, даже побаивается ее. Так прошел еще год.

Память смерти Евгении Николаевны совпадала с днем ангела Веры Михайловны. Семнадцатого сентября у Лаврухиных было много гостей. Хозяин весь вечер казался очень не в духе и довольно